

© 1990 г.

ПШЛДЗ К.

ЗАМЕТКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСНОВООБРАЗУЮЩИХ
ФОРМАНТОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Принято считать, что типы склонения в классическом индоевропейском «естественно распределяются на пять видов: (1) согласные основы, (2) основы на -г, (3) основы на -i, -u, (4) основы на -a, -I, -й, (5) основы на -o I-e (тематические основы)» [1, с. 242]. В действительности же такое представление не отражает древнейшей реконструируемой стадии индоевропейского языка. Что касается хронологии таких суффиксов, то В. Леманн [2, с. 67] замечает: «Совершенно очевидно, что удлинения основ, подобные тем наращениям, что представлены в герм. *-inassu-*, *-nassu-*, *-assu-*, более позднего происхождения, чем простые суффиксы, состоящие из одного элемента, например, *-dh-*, или из двух элементов, как *-U-* и *-tu-*, которые сами послужили основой для образования более сложных суффиксов в германском... Внутреннее описание германской группы и других индоевропейских диалектов, а также более широкого сравнительное исследование нередко позволяют определить, какие суффиксы древнее, а какие принадлежат к периоду раздельного существования диалектов, к которому относятся также все префиксы. Индоевропеистика должна, следовательно, стремиться к хронологической оценке суффиксации и других словообразовательных приемов, как это предлагалось делать в отношении именных флексий...». Таким образом, общепризнано, что «так называемые корневые имена относятся к наиболее древнему именному слою, какой мы только способны постулировать... Тематические основы на -o I-e принадлежат к самому позднему слою праязыка; к нему же относятся основы, составленные сочетанием этих основ с ларингалом, т. е. -a» [2, с. 72]¹. В этой короткой статье я попытаюсь рассмотреть возможные истоки индоевропейских основообразующих формантов. Исследование будет проходить в контексте моих воззрений на типологическую природу раннеиндоевропейского языка как такового. Вслед за Ф. Адрасом [4, 5] я реконструирую стадию «дофлективного индоевропейского и протоиндоевропейского (и.-е. 1)», который «состоял из номинально-вербальных либо прономинально-адвербиальных слов-корней, определявших друг друга и образовывавших синтагмы и предложения; при этом использовались такие средства, как порядок слов, расстановка ударения и некоторые расширители; собственно флексия и более поздние категории индоевропейского языка к этому времени еще не появились» [5, с. 1]². Не соглашаясь с многими частностями, я в целом поддерживаю гипотезу В. Георгиева [8] о том, что «протоиндоевропейский язык изначально использовал только моносиллабические лексемы (как китайский) и не имел ника-

¹ Другую точку зрения на происхождение *-a и других маркеров женского рода см. в [3].

² Подобное мнение о существовании дофлективной стадии индоевропейского языка высказывалось В. В. Ивановым [6, с. 51] и В. Шмальstiegом [7, с. 46].

кой морфологии» [9, с. 47]. Я считаю, что вся система классов склонения, которую мы находим в классическом индоевропейском языке, требует исторического объяснения. Поскольку истоки этой системы лежат глубоко в языковой предьстории, ее происхождение никогда не будет известно с точностью. Однако я убежден, что в компаративистике уже имеется достаточно данных, а также известны типологические прецеденты, позволяющие исследовать происхождение основообразующих формантов в индоевропейском.

Такое исследование не является новым. Например, Г. Хирт [10, с. 193—194] утверждает, что основной формант **-i-* происходит от корня **ei-* «идти», тогда как У. С. Аллен [11] «приписывает ему (т. е. суффиксу-детерминативу **-bk-*.— Ш. К.) скорее фоно-эстетическую функцию, чем роль семантического уточнителя» [2, с. 73]. Близок к моей точке зрения Ф. Шпехт [12, с. 315], утверждающий: «то, что число демонстративов в точности покрывается вышеупомянутыми расширениями, не оставляет сомнения, что различные индоевропейские именные классы основ — это не что иное, как слияние корней с указательными местоимениями того периода». Остается лишь сожалеть, что Ф. Шпехт практически не приводит специальных типологических прецедентов процесса универбации и совсем не рассматривает случаи превращения местоимения в деривационный суффикс. Он не упоминает также, что «все демонстративы, по-видимому, были некогда дейктическими частицами, а следовательно, несклоняемыми словами» [13, с. 311] и что дейктические частицы в индоевропейском языке, как правило, были энклитиками [14, с. 223]. Упустив из виду этимологическую связь дейктических частиц с демонстративами, Ф. Шпехт заключает, что «следовательно, и в индоевропейском также отсутствуют основы на краткое *-a*, поскольку отсутствует соответствующее указательное *-местоимение*» [12, с. 315]³. Однако такие именные формы, как греч. *V64?Y*; «нимфа», *Ίβν\α.χῆ* «всадник», *υεῦρα* «мост», умбр. *Tursa* «Турса», лат. *tensa* «стол», церк.-слав. *жѢно* «женщина», *главо* «голова», весьма напоминают изначальный класс склонения на **-a*, хотя в конечном счете эти основы «слились с относительно недавно возникшими основами на *-a*» [15, с. 33]. Несмотря на то, что в индоевропейском не реконструируется обычно демонстратив на **-a*, существование дейктической частицы **a* не вызывает сомнения. Г. Хирт [10, с. 12] восстанавливает эту дейктическую частицу на основе, например, греч. *α?* «если», *α3* «вновь», лат. *au-t* «или», гот. *au-k*, нем. *auch* «также». Короче говоря, мне представляется, что источником основообразующих формантов в раннем индоевропейском были дейктические частицы.

Очень показательную параллель такого развития приводят, например, Дж. Сэнкофф и П. Браун [16] при описании ток-писина. Они отмечают, что функция дейктического *ia*, «стоящего после существительного или местоимения...» — сосредоточивать внимание на этом элементе. Иногда оно подчеркивает контраст с другим референтом, обозначая примерно «именно это имя, а не какое-либо другое», иногда же оно просто как бы выдвигает имя на передний план» [16, с. 639]. «Иногда *ia* точнее всего переводится как „этот“ или „тот“..., иногда как более слабый демонстратив, вроде англ. *the*, хотя его точный перевод на английский затруднителен» [16, с. 640]. Дж. Сэнкофф и П. Браун [16, с. 639] указывают, что *ia* сохраняет свою функцию наречия места параллельно с функцией «более ши-

³ При обсуждении происхождения падежных флексий в индоевропейском Ф. Шпехт не признает эволюции дейктических частиц в указательные местоимения, см., например [12, 354].

рокого по значению демонстратива» в том случае, когда оно присоединено к какому-либо именному элементу. «То, что обе функции выражаются на синхронном уровне одной и той же формой, становится объяснимым, если принять во внимание семантическую близость обоих значений...» [16, с. 639]. Отмеченное употребление *ia* не следует приписывать пиджино-креольскому происхождению ток-писина, т. к. это ш имеет аналоги во «многих австронезийских языках Новой Гвинеи и Меланезийских островов... Так, в языке буанг дейктическая частица *ken* употребляется как наречие места... и как постпозитивный демонстратив» [16, с. 663]. Тенденция к энклитическому присоединению дейктических частиц к корням в индоевропейском была проявлением изменений в его структуре на пути от изоляции к агглютинации. Согласно теории лингвистических циклов, предложенной К. Ходжем [17], этот процесс агглютинации в конечном счете уступил место флексивным чертам моно- и политематического индоевропейского, ср. [5]⁴.

Несмотря на то, что известны случаи, когда дейктические частицы энклитически присоединялись к именным формам, вопрос о том, каким образом эти дейктические частицы стали переосмысливаться как основообразующие форманты, все же остается открытым. Ведь дейктические частицы в индоевропейском, подобно *ia*, сохранили свою изначальную форму и функцию и на поздней стадии развития послужили для образования новых демонстративов, выступающих в виде свободных морфем. Эти новые демонстративы, по-видимому, ударные, затем видоизменили существовавшие именно-дейктические комбинации, так как «по мере употребления любой демонстратив постепенно теряет свою дейктическую силу, а поэтому должен постоянно подкрепляться сочетанием либо с другим демонстративом, либо с наречием», ср., например, англ. *this here, that there, this one here, that one there*, вместо простых *this* и *that* [18, с. 469—470]. Изначально эти новые демонстративы со свободными морфемами просто усиливали дейкис прежних энклитических определителей, затем, по-видимому, прежние формы постепенно утратили свою дейктическую силу, а новые формы (и последующие «составные» формы) полностью взяли на себя функцию дейкиса. Это повлекло за собой переосмысливание прежних форм. Другим движущим фактором такого развития был просто «постепенный отказ от использования клитик и переход к большей зависимости от изолированных слов» [14, с. 224]. Как отмечают Р. Джефферс и А. Звикки [14, с. 224], эволюция часто характеризуется циклическими изменениями в соотношении ролей клитик и самостоятельных слов.

Переосмысленные семантические значения прежних дейктических частиц-энклитик были, вероятно, функцией семантических характеристик определенных «ключевых» имен, с которыми последние стали конкретно ассоциироваться, хотя с течением времени процессы выравнивания по аналогии подорвали семантическую основу такой дистрибуции. Иными словами, развитие этих элементов очень напоминало развитие в собственно индоевропейском показателе женского рода *-*a*, засвидетельствованная дистрибуция которого явилась результатом весьма сложного взаимо-

⁴ В целом я поддерживаю «широко распространенную гипотезу о доисторическом состоянии многих языков, которая утверждает, что система флексивных суффиксов и, возможно, деривационных аффиксов также представляет собой одну из стадий в цикле, в котором развитие идет от свободной морфемы к клитике, к аффиксу. Предполагается, что свободные морфемы изначально появлялись в безударных позициях в придаточных предложениях и сливались с соседними ударными словами в качестве частиц-клитик. Фонологическое ослабление этих морфем привело к постепенной утрате ими лексической самостоятельности» [14, с. 222—223].

действия формальных и семантических факторов. Согласно традиционной точке зрения (ср. [19]), **-a* (первоначально — показатель собирательности и абстрактности) осмысливался как маркер женского рода по ассоциации со словом **gwenā* «женщина» < «та, что вынашивает, рождает» и подобными словами. «Таким образом, семантическая характеристика понятия «женский» находило формальное выражение благодаря тому, что одна или несколько форм, обладающих этим признаком, также имели данную особенность, которая и стала экспонентом этого признака» [15, с. 74]. Однако при таком слиянии семантическая мотивация суффикса стала нарушаться аналогией. В [20] я показываю, как в индоевропейских и некоторых других засвидетельствованных языках явное формальное и семантическое подобие между двумя и более элементами способно вызвать изменения в обозначении рода и как подобные изменения, накапливаясь постепенно, превращают обоснованную главным образом семантически категорию рода в категорию, выраженную главным образом формально. Важность этих процессов для эволюции основообразующих формантов подчеркивается К. Бругманом [21, с. 110]: «В большинстве индоевропейских языков мы довольно часто находим переход основ, не оканчивающихся на -o или -a... в типы склонения на -o- или -a-, без какого бы то ни было изменения в значении. Этот переход в каждом конкретном случае вызван одной из множества возможных причин: ассоциацией либо по звучанию, либо по значению».

В связи с ранним возникновением основообразующих формантов изменения по аналогии, протекавшие в течение веков, затрудняют точную оценку семантического значения этих элементов. К примеру, Т. Хадсон-Вильямс [22, с. 47] отмечает, что основы с тематической гласной «часто обозначают действие», ср. [23, с. 256]. Однако К. Бак, разделяющий в целом эту точку зрения, указывает, что и в греческом и в санскрите есть много исключений из этого правила [24, с. 315]; а К. Бругман [21, с. 103] прямо оговаривает, что «с самого раннего периода суффикс *-o* ... использовался для множества различных целей».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что длительная формальная и функциональная независимость дейктических частиц на протяжении развития индоевропейского языка позволяла этим элементам служить источником самых разнообразных морфо-синтаксических функций. По мере превращения индоевропейского в развитой флективный язык конструкции с дейктическими частицами стали переосмысливаться как именные флексии падежа и числа [12, 19], а также как глагольные показатели времени, вида, залога и лица/числа [25—29]. Подобную многофункциональную роль общих дейктических частиц в развитии фино-угорских языков отмечает Л. Т. Хейзелькорн [30]. Она указывает, «что... дейктические частицы, первоначально обозначавшие участников коммуникации и их местонахождение, впоследствии превратились в маркеры определенности [т. е. в демонстративы и местоимения третьего лица] и стали использоваться для того, чтобы выделять фокус высказывания. В дальнейшем эти же элементы были переосмыслены как показатели лица, с одной стороны, и маркеры аккузатива, числа и т. д., с другой. Однако основной характеристикой всего набора рефлексов указанных элементов... является определенность» [Ю, с. 110].

Еще один вопрос, касающийся постулируемого здесь процесса развития основных формантов, связан с большим количеством различных классов основ. Даже если допустить последовательное наращение элементов, все же приходится признать наличие в преддиалектном индоевропейском

классов склонений на «*o-*, *ē*, *u-*, *n-*, ... *l/r-*, *k/g-*, *t/d-* и *s-*» [12, с. 315], каждый из которых имел соответствующие реконструируемые дейктические частицы (ср. [10, с. 11—14]). Конечно, не все основообразующие элементы (или дейктики) возникли в одно и то же время. Самое убедительное объяснение их многозначности заключается в структуре дейктической системы самого индоевропейского языка. В ток-писине частица *ia* имеет очень широкую дейктическую референцию. Однако во многих языках указательность довольно четко дифференцируется по оттенкам в том, что касается пространственно-временных связей [31]. В [32] я доказываю, что индоевропейская система дейкиса была главным образом бинарной (ср. [33, с. 28—29; 34]) и «основывалась в первую очередь на противопоставлении „сейчас — здесь : не-сейчас — здесь”» [32, с. 243], но при этом частицы обозначали «различную степень удаленности» от пространственно-временной точки «сейчас — здесь» [32, с. 243]. Я, вслед за В. Шмидтом [35], выделяю в индоевропейской дейктической структуре по меньшей мере «шесть степеней удаленности от „здесь и сейчас”».

Несмотря на справедливо высказанной К. Бругманом [36, с. 312] мысли о том, что «происхождение основообразующих формантов, дошедших до нас из праиндоевропейского периода, остается неясным», мне хочется верить, что предлагаемая здесь гипотеза дает убедительное объяснение пути их возможного развития. Она основывается на непосредственно доступных данных, на соображениях типологической вероятности, а также на уже известных принципах языкового изменения и особенно на том, который гласит: «сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис» [37, с. 413].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Burrow T.* The Sanskrit language. L., 1973.
2. *Lehmann W.* Proto-Indo-European derivational morphology in chronological perspective // For Gordon Fairbanks. Honolulu, 1985.
3. *Shields K.* Some new observations concerning the origin of the Indo-European feminine gender // KZ. 1977. Bd 91.
4. *Adrados F.* The archaic structure of Hittite: The crux of the problem // JIES. 1982. V. 10.
5. *Adrados F.* Binary and multiple oppositions in the history of Indo-European // Festschrift for Henry Hoenigswald. Tübingen, 1986.
6. *Иванов В. В.* Общинеоевропейская, праславянская и анатolianская языковые системы. М., 1965.
7. *Schmalstieg W.* Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park, 1980.
8. *Georgiev V. I.* Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien // Linguistique balcanique. 1975. V. 13. № 3.
9. *Szemerényi O.* Recent developments in Indo-European linguistics // TPhS. 1985.
10. *Hirt H.* Indogermanische Grammatik. Bd 3. Heidelberg, 1927.
11. *Allen W.* The Indo-European primary affix *-b [h] // TPhS. 1950.
12. *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Gettlingen, 1947.
13. *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd II. 2. Strassburg, 1911.
14. *Jeffers R., Zwicky A.* The evolution of clitics // Papers from the 4-th International conference on historical linguistics. Amsterdam, 1980.
15. *Shields K.* Indo-European noun inflection: A developmental history. University Park, 1982.
16. *Sankoff G., Brown P.* Origins of syntax in discourse: A case study of Tok Pisin relatives // Language, 1976. 52.
17. *Hodge C.* The linguistic cycle // Language sciences. 1970. 13.
18. *Lane G.* On the formation of the Indo-European demonstrative // Language. 1961. 37.
19. *Brugmann A.* The nature and origin of the noun genders in the Indo-European languages. V.2/Transl. by Robbins E. N. Y., 1897.
20. *Shields K.* A theory of gender change // Glossa. 1979. 13.
21. *Brugmann K.* Elements of the comparative grammar of the Indo-Germanic languages. V. 2 / Transl. by Conway R. and Rouse W. L., 1891.

22. *Hudson-Williams T.* A short introduction to the study of comparative grammar (Indo-European). Cardiff, 1972.
23. *Meillet A.* Introduction a l'etude comparative des langues indo-europeennes. University of Alabama Press, 1964.
24. *Buck C.* Comparative grammar of Greek and Latin. Chicago, 1933.
25. *Watkins C.* Indo-European origins of the Celtic verb. Dublin, 1962.
26. *Watkins C.* Indogermanische Grammatik. Bd 3. 1. Heidelberg, 1969.
27. *Shields K.* On Indo-European sigmatic verbal formations//Bono Homini Donum: Essays in historical linguistics in memory of J. Alexander Kerns. Amsterdam, 1981.
28. *Shields K.* Some thoughts about Hittite fei-conjugation // General linguistics. 1982. 22.
29. *Shields K.* Some thoughts about the origin of the Indo-European optative and subjunctive // A linguistic happening in memory of Ben Schwartz /Ed. by Arbeitman Y. Louvain-la-Neuve, 1988.
30. *Hazelkorn L. T.* The role of deixis in the development of Finno-Ugric grammatical morphemes // Working papers in linguistics. 1983. 27.
31. *Traugott E.* On the expression of spatio-temporal relations in languages// Universals of human language/Ed. by Greenberg J. V. 3. Stanford, 1978.
32. *Shields K.* Tense, linguistic universals, and the reconstruction of Indo-European // JIES. 1988. 16.
33. *Gonda J.* The character of the Indo-European moods. Wiesbaden, 1956.
34. *Neu E.* Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems // Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to Leonard R. Palmer. Innsbruck, 1976.
35. *Schmid W.* Die pragmatische Komponente in der Grammatik // Abhandlungen der Geistes-und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Universitat Mainz). 1972. № 9.
36. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
37. *Givon T.* Historical syntax and synchronic morphology: An archeologist's field trip// [Transactions of the] Chicago linguistic society. 1971. 7.

Перевел с английского *Родионов В. А.*